

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ МОНЕТНЫХ ШТЕМПЕЛЕЙ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО МОНЕТНОГО ДВОРА И
ИСТОРИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИМИ НОВОДЕЛОВ*

В. В. Бартошевич

В связи с отмечавшимся в 1994 г. 270-летием С.-Петербургского Монетного двора архивариус этого знаменитого предприятия Михаил Иванович Смирнов сделал ряд интересных публикаций. Среди поднятых в них проблемных вопросов центральное место занял вопрос о судьбе штемпельного архива Монетного двора, решение которого, как указывал М. И. Смирнов, встречает затруднения. В статье «Минцкабинет — Музей Монетного двора Санкт-Петербурга»¹ он сформулировал основные положения, которые являются, по его мнению, исходными для решения поставленной проблемы:

1. М. И. Смирнов подчеркивает, что «руководители монетных дворов уже с XVIII в. заботились о том, чтобы образцовые штемпели, маточники, формы и т. п. были сохранены. Такая необходимость мотивировалась возникновением затруднений при проведении экспертизы подлинности монет, а позднее в связи с распространением коллекционирования предметов нумизматики. Таким образом начал складываться штемпельный архив. Только негодный, дефектный и отработанный инструмент подвергался уничтожению».

2. В архивных делах Медальной палаты Монетного двора М. И. Смирнову «посчастливилось обнаружить», как он пишет, отпуск (т. е. копию) составленного в марте 1847 г. каталога монетных штемпелей, хранившихся в то время на Монетном дворе. По мнению М. И. Смирнова, назначение этого каталога, содержащего перечень 1349 штемпелей от князя Василия Дмитриевича (1389—1425) по 1846 г., «не оставляет никаких сомнений» — оно такое же, как и назначение хранящегося в Эрмитаже и опубликованного И. Г. Спаским каталога русских монет, составленного в царствование Екатерины II: «активизация коллекционирования в столице требовала от руководства Монетного двора постоянной заботы о сохранении штемпельного архива». Оба каталога, считает М. И. Смирнов, наглядно демонстрируют эту заботу в XVIII и XIX вв.

3. Однако, несмотря на эту заботу, в настоящее время «старый штемпельный инструмент» (прежде всего XVIII в.) в собрании Монетного двора почти полностью отсутствует. Эту опустошительную

* В сокращенном виде статья публиковалась в газете «Миниатора». Вып. 26, август 1995 г. (приложение «Старая монета». Вып. 7).

¹ Смирнов М. И. Минцкабинет — Музей Монетного двора Санкт-Петербурга // Старая монета. Вып. 6 (приложение к газете «Миниатора». Вып. 23, 1994 г.).

утрату М. И. Смирнов считает одной из тайн Монетного двора, раскрытие которой является важной, но трудноразрешимой задачей.

4. Трудность решения этой задачи М. И. Смирнов видит в том, что хотя «частичное» уничтожение пришедших в полную негодность штемпелей могло производиться еще в середине XIX в., а штемпелей сомнительного происхождения в 1890 г. в связи с прекращением изготовления новоделов, все же основная утрата монетных штемпелей произошла, по его мнению, в 1917 г., во время эвакуации экспонатов Минцкабинета Монетного двора, а документы, связанные с этой эвакуацией не сохранились, они тоже погибли. Мысль о гибели основной массы старых монетных штемпелей во время эвакуации Михаил Иванович проводит не только в названной статье, но и в других своих работах, в частности в статье «Русская революция 1917 года и нумизматика», где он сформулировал ее предельно четко: «...в эвакуации погибли или бесследно исчезли архивные документы, штемпельный инструмент XVIII—XIX веков и нумизматические коллекции», а также в монографии об истории С.-Петербургского Монетного двора, где эта мысль повторяется: «...в 1917 году отсюда (т. е. из Петрограда. — В. Б.) были отправлены архивные материалы XVIII—XIX веков, штемпельный инструмент и нумизматическая коллекция. К несчастью, штемпельный и документальный архивы погибли во время эвакуации»². Вопрос усложняется, по мнению М. И. Смирнова, еще и тем, что не сохранились подлинные описи, составленные при эвакуации. Они, видимо, погибли в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Констатируя гибель старого штемпельного инструментария в 1917—1918 гг., М. И. Смирнов с сожалением отмечает: «...мы так и не приблизились к разгадке тайн Монетного двора. Не дали положительных результатов и неоднократные обращения в периодической печати с просьбой помочь какими-либо сведениями по данному вопросу». Вместе с тем он выражает надежду, что «еще не все пути пройдены до конца и не все потеряно. Каким бы ни был финал истории, развернутой перед нами, мы надеемся выяснить ее, в том числе, и с помощью читателей».

Откликаясь на этот призыв, мы решили поделиться документальными сведениями «о тайнах Монетного двора», которыми располагаем, не претендуя при этом на детальную и исчерпывающую разработку вопроса, требующую, естественно, обширного исследования, а имея целью, в первую очередь, указать на необходимость решать его, руководствуясь принципиально иным подходом, чем подход М. И. Смирнова; вместе с тем, попутно будет затронут ряд вытекающих из такого подхода проблем.

Прежде всего нужно отказаться от убеждения, что руководители монетных дворов «уже с XVIII века заботились о том, чтобы образцовые штемпели... были сохранены» и что уничтожались «только не-

² Смирнов М. И. Русская революция 1917 года и нумизматика // Старая монета. Вып. 2. С. 2 (приложение к газете «Миниатора». Вып. 11, 1992 г.); он же. Со знаком «С. П. Б.» ... Очерки истории Санкт-Петербургского Монетного двора. 1724—1994. Авторизован: Тольятти, 1994. С. 48.

годный, дефектный и отработанный инструмент». Понимания научной и историко-культурной ценности монетного инструментария не было даже в середине XIX в., а уж в XVIII в. — тем более. И не следует усматривать в этом нечто такое, что умаляет достоинство петербургских монетчиков. Просто русская нумизматика в то время находилась еще на такой стадии, когда превалировало активное собирание монетного материала при отсутствии подлинно научной методологии его изучения. Как указывал И. Г. Спасский, долгое время «на монету смотрели, главным образом, как на памятник деятельности того или иного государя, и ее денежная сущность признавалась несущественной»³. Отсюда бездумное отношение к интенсивному, до полного износа, употреблению сохранившихся подлинных штемпелей для изготовления новодельных монет, а затем столь же бездумное уничтожение износившихся подлинников с изготовлением вместо них «возобновленных» штемпелей. Конечно, справедливости ради надо иметь в виду, что деятельность как Петербургского, так и других монетных дворов всегда жестко регламентировалась вышестоящими правительственными инстанциями (с 1802 г. всегда одним из подразделений Министерства финансов), а эти инстанции, в свою очередь, находились под мощным прессингом вельможных коллекционеров. Но в каком бы подневольном положении Монетный двор ни находился, это положение не могло стать препятствием для сохранения хотя бы выборочно образцов подлинных старых штемпелей, пусть даже в изношенном виде, если бы ясно осознавалась необходимость такого сохранения. Но такого осознания не было, да при тогдашнем уровне научных знаний, по-видимому, и не могло быть. Психологически на администрацию Петербургского Монетного двора, надо полагать, оказывал определенное влияние и тот факт, что «...периферийным монетным дворам вменялось в обязанность уничтожать штемпели, как только они становились ненужными»⁴; этим создавалось убеждение (а фактически это, похоже, так и было), что столичному Монетному двору не была дана такая же команда только ради удовлетворения спроса столичных коллекционеров на новodelы, но отнюдь не ради сохранения самих штемпелей.

С другой стороны, к середине XIX столетия, не без влияния впечатления от продолжающегося лавинообразного роста заказов на новodelы, у руководства Петербургского Монетного двора стало формироваться ясное понимание того, что безудержное изготовление новodelов, особенно «восстановленными» штемпелями, нанесет огромный вред развитию научной нумизматики и что если эту практику не ограничить, то в будущем представители исторической науки будут совершенно дезориентированы относительно веса, пробы и даже внешнего вида русских монет. В результате начальник С.-Петербургского Монетного двора горный инженер генерал-майор А. Р. Амстронг 31 декабря 1846 г. подал по начальству подробное донесение с

³ Спасский И. Г. Новodelы // Сборник статей «Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики». Л., 1977. С. 121.

⁴ Там же. С. 120.

обоснованием необходимости запрета на изготовление новodelов «восстановленными» штемпелями и на изготовление самих новodelных штемпелей, а также и на чеканку работоспособными подлинными штемпелями всех пробных монет, не получивших утверждения. По материалам этого донесения министр финансов статс-секретарь Ф. П. Вронченко после изучения вопроса подал 9 мая 1847 г. докладную записку императору, утверждение которой имело далеко идущие последствия как для ограничения дальнейшей чеканки новodelов, так и для судьбы монетных штемпелей. Но прежде чем переходить к рассмотрению этих документов, целесообразно хотя бы в самом кратком виде коснуться предшествовавших событий, которые стимулировали их появление.

Отмеченный И. Г. Спасским «расцвет» (чтобы не сказать «разгул» производства новodelов в царствование Екатерины II⁵ с успехом продолжался в последующие царствования, достигнув апогея к 40-м гг. XIX в. В октябре 1845 г. в Департамент горных и соляных дел (в дальнейшем — ДГСД), которому подчинялся в то время Монетный двор, поступило очередное, отнюдь не первое, прошение петербургского купца С. А. Еремеева — лица, оставившего довольно заметный след в истории русской нумизматики⁶. Как и ранее, этот купец, именовавший себя «Комиссионером Императорской Публичной Библиотеки по части Нумизматики, Соревнователем Общества Истории и Древностей Российских», просил «для пополнения коллекций некоторых казенных заведений и собственного моего собрания» (это его обычная формула при прошениях такого рода) дать указание Монетному двору об изготовлении монет по прилагаемому к прошению реестру⁷. По отработанной процедуре ДГСД послал список с реестра на Монетный двор и предписал донести, «для каких из значащихся в сем реестре монет... есть на Монетном дворе штемпеля и во что примерно обойдется приготовление оных монет»⁸. После получения ответа Монетного двора о возможности изготовления заказываемых монет и согласия Еремеева с предъявленным ему примерным счетом вопрос, как обычно, докладывался министру финансов, а затем Монетному двору было предписано выполнить заказ⁹. 22 апреля 1846 г. Монетный двор донес, что изготовлены и 22 марта отпущены Еремееву с получением от него денег по счету 12 золотых, 144 серебряные и 342 медные монеты. Большую часть заказанных Еремеевым монет составляли нумизматические редкости, при этом многие из них заказаны были в двух, трех, пяти, шести экземплярах: рубль Алексея Михайловича 1654 г. — 2 экз., полуполтина того же года — 4 экз., серебряные сибирские монеты 1764 г. номиналом 20 и 15 коп. — по 5 экз., гривенник — 6 экз., сестроречский рубль 1771 г. — 5 экз., бо-

⁵ Спасский И. Г. Новodelы... С. 107.

⁶ О С. А. Еремееве см.: Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Труды ГИМ. 1955. Вып. 25. Нумизматический сборник. Ч. 1. С. 80, 83—85.

⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 19. Д. 62. Л. 1.

⁸ Там же. Л. 4—4об.

⁹ Там же. Л. 9—9об.

родовые знаки 1705 и 1725 гг. — 6 экз. в серебре и 8 экз. в меди и т. д.¹⁰ Относительно изготовления сестрорецких рублей начальник Монетного двора в донесении о выполнении заказа сделал следующее примечание: «При сем нужным считаю присовокупить, что в числе просимых Еремеевым 343 медных монет следовало приготовить 5 медных сестрорецких рублей, которых приготовлено только 4, а последнего по случаю испортившегося кольца не приготовлено»¹¹.

Вслед за этим Монетный двор по предписанию ДГСД в 1846 г. выполнил и 15 января 1847 г. отпустил заказ на изготовление монет управляющему Монетным отделением ДГСД статскому советнику Лаврову, который, руководствуясь реестром Еремеева, заказал по одному экз. все значившиеся в нем золотые и серебряные монеты, а также значительную часть медных. Заметим, что среди заказанных и изготовленных был один экз. сестрорецкого рубля¹². А в августе-сентябре 1846 г. четыре сестрорецких рубля были изготовлены по заказу действительного статского советника Смирнова¹³. Следовательно, в 1846 г. на Монетном дворе для чеканки сестрорецких рублей было изготовлено новое гуртильное кольцо.

Из других заказов того времени заслуживает внимания заказ, сделанный в декабре 1845 г. статским советником А. Чичериным, силою состоявший из нумизматических редкостей, среди которых были: рубль Алексея Михайловича, серебряные двухрублевники 1722 и 1726 гг., рубль императрицы Анны 1730 г. («с цепью»), три варианта павловских ефимков, портретные «две копейки» Александра I 1802 и 1810 гг., восемь разновидностей пробных рублей Александра I, пробный рубль Николая I 1845 г., семейный рубль Николая I и др.¹⁴ 25 января 1846 г. ДГСД, руководствуясь указанием министра финансов, предписал Монетному двору изготовить заказанные монеты, «кроме семейного рубля, коего печатание и выпуск не иначе могут быть произведены как с Высочайшего разрешения»¹⁵, что и было выполнено: 15 января 1847 г. все, за исключением семейного рубля, заказанные монеты, включая пробные, были отпущены Чичерину¹⁶.

В октябре 1846 г. в ДГСД поступило новое прошение купца С. А. Еремеева¹⁷. Теперь «Комиссионер и Соревнователь» (разумеется, опять-таки «для пополнения коллекций некоторых казенных заведений и собственного моего собрания») просил «по приложенному реестру» изготовить для него 15 золотых, 270 серебряных и 336 медных монет. И по времени, к которому относились заказываемые мо-

¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 19. Д. 62. Л. 2—2об., 3—3об.

¹¹ Там же. Л. 20—20об.

¹² Там же. Л. 10—10об., 18, 19.

¹³ Там же. Л. 24, 25, 26—26об.

¹⁴ Там же. Л. 12, 13—13об.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 27.

неты, и по количеству заказанных экземпляров монетных раритетов новый заказ по сравнению с предыдущим был гораздо более «масштабным», торговля новоделами приплась купцу явно по вкусу, и он расширял ее объем. На этот раз Еремеев заказал один из вариантов серебряных монет вел. кн. Василия Дмитриевича в 10 экз., три разновидности серебряных монет вел. кн. Василия Васильевича (Василия Темного) — каждой по 10 экз., серебряную монету вел. кн. Ивана Васильевича (Ивана III) — тоже 10 экз., причем относительно этих 50 экз. заказчик сделал примечание: «Для сих великокняжеских монет кружки должно делать побольше и не круглые, а продолговатые или овальные, на манер древних, как делались из плоских серебряных прутков или пластинок, каковые монеты можно видеть на рисунках при описании русских монет» (далее были указаны конкретные изображения в работах А. Д. Черткова, С. Шодуара и Ф. Ф. Шуберта). Затем в реестре значились 10 экз. «монеты или медали серебряной с исправленным реверсом» Лжедмитрия (в предыдущем заказе — 1 экз.), 5 экз. рубля Алексея Михайловича (в предыдущем заказе — 2 экз.), 5 экз. полуполтины Алексея Михайловича (ранее 4 экз.), 3 экз. серебряного двухрублевника Петра I (в предыдущем заказе — 1 экз.), семь пробных рублей Александра I — по 3 экз. каждого, всего 21 экз., 7 экз. сестрорецкого рубля «с исправленным гуртом», 15 экз. пробного трехкопеечника 1827 г. и т. д. В конце реестра заказчик сделал приписку: «N. В. Комиссионер Еремеев просит приготовить вышеозначенные монеты на соразмерных ценностях, весу и величине кружках, ибо он получал некоторые монеты из крупных меев, и из мелких более против их названий...» (эта претензия сопровождалась затем множеством конкретных примеров)¹⁸.

В ДГСД новый заказ Еремеева не вызвал каких-либо возражений. 5 ноября 1846 г. директор департамента генерал-майор Ф. Ф. Бегер подписал обычное предписание Монетному двору с препровождением списка с реестра, представленного Еремеевым. Отличие от других подобных предписаний состояло лишь в том, что в связи с большой нагрузкой Монетного двора и масштабностью этого заказа Бегер предписывал донести, «не будет ли, при имеющихся в настоящее время нарядах для казенных мест, затруднительно для Мон[етного] двора приготовление просимых Еремеевым монет»¹⁹.

И вот тут долготерпению администрации Монетного двора пришел конец. В отправленном 31 декабря 1846 г. ответе на полученное предписание субординация и должное чинопочитание были, разумеется, соблюдены, но по существу этот ответ вылился в эмоциональный протест против продолжения укоренившейся практики изготовления новоделов «восстановленными» штемпелями, а также штемпелями пробных монет. Этот примечательный документ на 13 страницах, заслуживает, конечно, полного опубликования, но сейчас мы отметим лишь наиболее важные его положения.

¹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 19. Д. 62. Л. 28—28об., 29—29об.

¹⁹ Там же. Л. 30.

Относительно пробных монет начальник Монетного двора как бы в укор ДГСД сообщал, что в прошлом «при некоторых других подобных случаях не только воспрещалось чеканить монету на пробные штемпели, но даже предписывалось... хранить их за особой печатью и иногда даже уничтожать таковые штемпели». Исходя из этого, А. Р. Амстронг заявлял, что монеты «небывшие в обращении и не утвержденные Высочайшею властью для чеканки, не должны быть чеканены без особого разрешения», в связи с чем он представляет этот вопрос «на благоусмотрение Департамента», т. е. фактически от изготовления новодельных пробных монет без особого на то приказа отказывается.

Наибольший интерес представляют принципиальные соображения Амстронга о вреде выполнения заказов на изготовление новодельных монет вообще: «...приготавливать подобные монеты для посторонних мест и особенно для частных лиц, которые могут выдавать их и пускать в продажу под названием оригинальных древних монет, я считаю весьма вредным для науки. При небольшом числе сохранившихся в собраниях настоящих древних монет, наполнение сих собраний монетами древнего штемпеля, но приготовленными ныне из металлов, не соответствующих им пробой, каковые в последние годы постоянно почти выделяются на здешнем Монетном дворе и притом в весьма значительном количестве, может в последствии времени привести нумизматиков в большое затруднение относительно пробы и веса древних монет и даже поселить в них ложные понятия об этом предмете. Таким образом, вместо той пользы, какую, по-видимому, можно бы ожидать от увеличения в нумизматических собраниях древних монет, вышедшая фабрикация их послужит прямо к вреду науки». И далее: «...я не полагаю, чтобы Монетный двор, ...место, где уничтожаются все найденные в государстве фальшивые монеты, мог приготавливать таковые древние монеты, которые в существе своем тоже должны быть причислены к фальшивым», тем более, что «у всех образованных народов подделка древней монеты считается непозволительною и беззастенливою». В заключение Амстронг доложил, что «прежде чем начать данный от купца Еремеева наряд», он будет ожидать решения по изложенным вопросам²⁰.

Следует сказать, что сформулированные начальником Монетного двора аргументы о вреде изготовления монетных новоделов были смелыми и глубоко обоснованными не только для своего времени, они выглядят гораздо более весомыми и убедительными и по сравнению с доводами, приведенными через 40 с лишним лет вел. кн. Георгием Михайловичем в его известном рескрипте на имя министра финансов И. А. Вышнеградского от 18 января 1890 г., в котором он изложил свои соображения в пользу полного запрещения чеканки новоделов. Если для Амстронга главным аргументом являлось указание на то, что практика изготовления новоделов несет с собой все возрастающую опасность для научной нумизматики, то Георгий Михайлович выступил с позиций крупного собирателя, имеющего коллекцию

²⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 19. Д. 62. Л. 31–37.

мирового класса и незаинтересованного в изготовлении новоделов, поскольку «нет выше интереса, как разыскать монету, сделавшуюся вследствие разных обстоятельств крайне редкою», а при возможности заказывать новоделы (при этом вел. кн. ошибочно считал, что и в 1890 г. все еще можно было заказывать новоделы любых старых монет) «интерес нумизмата значительно ослабевает. Не говоря уже о том, что при обилии новодельных монет гораздо труднее напасть на след, где скрываются подлинныя...»²¹. Любопытно, что еще через четверть века, в 1916–1917 гг., другой коллекционер-нумизмат, С. Н. Смирнов — человек состоятельный, но только еще формирующий основу своего собрания, стал приводить прямо противоположные доводы, настойчиво ратуя за возобновление чеканки новоделов любых старых монет без всяких ограничений. Очевидно, Смирнов отражал настроения значительного числа собирателей, считавших, что они «опоздали» на рынок нумизматических редкостей. В письме А. В. Орешникову от 23 февраля 1917 г. он писал: «Указ о чеканке новоделов только на руку торговцам. Следовало бы поднять этот вопрос в нумизматических Обществах и войти с ходатайством через министра финансов в Государственную Думу об новом законе в смысле предоставления полной свободы чеканки новоделов. Ну есть ли смысл запрещать чеканить Анну с ценью или рубль [Константина] Павловича? Как Вы думаете?» У многоопытного Орешникова этот проект, судя по всему, сочувствия не встретил, но характерно, что и резкой отповеди с его стороны он тоже не вызвал. Показательно также, что когда Смирнов поставил этот вопрос на обсуждение в Российском Обществе нумизматов, председатель Общества А. А. Ильин — тоже опытный нумизмат, ставший вскоре заведующим Отделением монет и медалей Эрмитажа, выступил с резкой критикой предложений Смирнова также не решился²².

Таким образом, протест Амстронга 1847 г. заслуживает пристального внимания и своей смелостью, и как важная страница в становлении подлинно научных взглядов на возможные последствия изготовления новоделов. По-видимому, этот протест вызревал давно, но не мог быть раньше реализован из-за того, что руководство Монетного двора вынуждено было считаться с личностями заказчиков. Весьма любопытно в этом отношении история крупного заказа, сделанного известным нумизматом французом Юстином Сабатье. Еще в апреле 1844 г. этот ученик Я. Я. Рейхеля подал прошение об изготовлении

²¹ Георгий Михайлович, вел. кн. Русские монеты 1881–1890 гг. СПб., 1891. С. 82. Показательно, что в Министерстве финансов суждения Георгия Михайловича восприняли именно как доводы, отражающие не столько научные, сколько собирательские интересы: в предписании Департамента Государственного Казначейства начальнику С. Петербургского Монетного двора от 27 января 1890 г. «О запрещении на будущее время чеканки новодельных монет» говорилось, что император Александр III, «приняв во внимание заявление Его Высочества» о том, что изготовление новоделов «значительно ослабляет интерес нумизмата, соизволил заметить, «что чеканка новодельных монет на будущее время должна быть безусловно запрещена». (Там же. С. 83).

²² Об усилиях С. Н. Смирнова добиться возобновления изготовления новоделов см. подробнее: Бартошевич В. В. Неосуществленное издание о константиновском рубле // Труды ГИМ. Вып. 83. Нумизматический сборник. Ч. XII. Очерки по истории Отдела нумизматики. М., 1993. С. 65–66.

ему золотых монет 81 наименование, серебряных 222 наименований и медных 61 наименование, при этом серебряные и медные монеты многих наименований были заказаны в 2–3 экземплярах²³.

Среди заказанных были монеты великих князей Василия Дмитриевича, Василия Васильевича и Ивана Васильевича, рубли и полтины царя Алексея Михайловича, петровские тынфы, серебряные двухрублевки 1722 г., пробные рубли Александра I, сестрорецкий рубль 1771 г., бородовые знаки и пр.²⁴, что свидетельствует о популярности в то время новоделов не только среди не очень сведущих в нумизматике собирателей-вельмож, но и среди части профессиональных нумизматов. ДГСД сразу же препроводил реестр Сабатье на Монетный двор и предписал, как обычно, донести о возможности выполнения заказа²⁵. У дирекции Монетного двора этот заказ не мог, по-видимому, не вызвать возражений, но Сабатье — иностранец, ученый, знакомый влиятельного медальера Монетного двора Рейхеля был для выражения протеста фигурой явно неподходящей, поэтому решили просто отмолчаться, три с половиной года не давая никакого ответа. А последний спекулятивный заказ Еремеева со всех точек зрения для постановки давно назревшего вопроса оказался наиболее удобным.

В ДГСД донесение Монетного двора произвело, видимо, некоторое замешательство, заставило задуматься и было доложено министру финансов, после чего на нем появилась грозная резолюция: «Потребовать от начальника Монетного двора каталог всем штемпелям монет». 4 января 1847 г. на Монетный двор было послано предписание: «...для соображения при рассмотрении представления... от 31 декабря 1846 г. ..., представить подробный каталог всем имеющимся на Монетном дворе штемпелям золотых, серебряных, платиновых и медных монет с самых древнейших времен до штемпелей ныне чеканимых монет с обозначением, которые из них настоящие..., которые сомнительные, которые по каким-нибудь случаям были возобновлены и которые были приготовлены по проектам, не получившим утверждения»²⁶. 27 марта 1847 г. Монетный двор представил требуемый каталог с ответом на поставленные вопросы и указанием, кроме того, на штемпеля, которые из-за сильного износа либо вообще не могли быть использованы, либо могли служить для изготовления монеты, которая «не может быть верной копией монеты, чеканившейся в прошлые годы»²⁷. Каталог был немедленно доложен министру.

Так появился каталог, отпуск которого М. И. Смирнову «посчастливилось найти» в делах Медальной палаты Монетного двора. Подлинник этого документа сохранился и находится в настоящее время в архивных делах Горного департамента²⁸. Попутно заметим, что найденный М. И. Смирновым отпуск тоже имеет свою историю. Де-

ло в том, что получив каталог, министр финансов «для соображения» оставил его у себя, и вот 7 мая 1847 г. из Монетного отделения ДГСД в канцелярию Монетного двора с грифом «Весьма нужное» была отправлена бумага следующего содержания: «Представленный при донесении г. Нач-ка СПб Мон. двора... каталог имеющимся на том дворе мон[етным] штемпелям оставлен г. Министром Фин[ансов] у себя, посему Мон[етное] отделение Д-та Г. и С. дел, по встретившейся ему надобности в таком каталоге, покорнейше просит Канцелярию СПб Мон. двора прислать, на короткое время, отпуск с того каталога»²⁹. В тот же день канцелярия Монетного двора отправила в Монетное отделение требуемый каталог с просьбой «по миновании в том надобности возвратить». Через три дня, 10 мая, отпуск каталога был возвращен на Монетный двор³⁰.

Как видим, составление каталога было проявлением не «постоянной заботы о сохранении штемпельного архива» для чеканки новоделов в интересах коллекционеров, а связано было с прямо противоположным стремлением — резко ограничить производство новоделов, ставшее предметом неумных воцелений как собирателей, так и торговцев монетами.

Больше всего впечатляли в каталоге, конечно, пояснения администрации Монетного двора о характере штемпелей, используемых для чеканки новоделов («...приготовлены в новейшее время», «вероятно приготовлены в новейшее время», «штемпели весьма сомнительные», «штемпели сомнительные»), которые указывали на полное отсутствие подлинных штемпелей вплоть до начала царствования Павла I. После представления каталога министру финансов, на препроводительной к нему появилась резолюция: «Составить записку для доклада Государю Императору. 1 апреля 1847 г.»³¹

Записка, как видно, тщательно обдумывалась, поскольку составление ее заняло почти полтора месяца. В основу было положено донесение начальника Монетного двора от 31 декабря 1846 г., однако докладная записка для царя не должна была быть особенно пространной, в ней следовало также смягчить резкие выражения, характеризующие практику изготовления новоделов как фабрикацию фальшивок, и, конечно, министр финансов не мог допустить, чтобы в докладе императору инициатива постановки вопроса исходила не от него, а от руководства Монетного двора. Наконец, 9 мая 1847 г. министр Ф. П. Вронченко доложил записку Николаю I. Вот основной текст этого документа:

«Любители нумизматических коллекций нередко обращаются в Департамент Горных и Соляных дел с просьбами о вычеканке для них по имеющимся на С.-Петербургском Монетном дворе штемпелям золотых, серебряных или медных монет прежних форм; просьбы сии по возможности удовлетворяются, но по мнению сведущих нумизматов исполнение сих просьб не вполне соответствует достоинствам

²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 22. Д. 58. Л. 1, 4–7.

²⁴ Там же. Л. 4–7.

²⁵ Там же. Л. 2.

²⁶ Там же. Оп. 19. Д. 62. Л. 38–38об.

²⁷ Там же. Л. 39.

²⁸ Там же. Л. 40–58.

²⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 19. Д. 62. Л. 59.

³⁰ Там же. Л. 60.

³¹ Там же. Л. 39.

коллекций, ибо образцы древних монет, чеканные большей частью возобновленными в последующие времена штемпелями, постепенно утратившими оригинальность современных выделке монет штемпелей, не только не имеют того наружного вида, какой представляют монеты, чеканные во время выпуска их в обращение, но не могут служить представителями сих последних и по внутреннему достоинству от разности проб металлов, из которых чеканятся эти образцы в настоящее время. Сии отзывы нумизматов подали повод требовать от Начальника Монетного двора подробный каталог всем на том Дворе имеющимся монетным штемпелям с основания Монетного дела в России до штемпелей ныне чеканных монет с обозначением: а) которые из них современны тиснению самих монет, б) которые возобновлены с теми же аверсами и реверсами после тиснения новых, последующих форм монет, и с) которые приготовлены по проектам, не получившим утверждения.

По рассмотрении представленного реестра оказывается, что в числе хранящихся при медальной палате здешнего Монетного двора 1349 штемпельных аверсов и реверсов для 740 золотых, серебряных, платиновых и медных монет, почти половина только штемпелей современны вычеканенным по ним монетам, а прочие или возобновлены в новейшие времена или современность их периодам выпуска в обращение монет подвержена сомнению, а именно:

1) 77 штемпелей монет, чеканных со времени Великого Князя Василия Дмитриевича, или с 1389 года до начала царствования Императора Петра Великого или до 1701 года. На штемпелях их годов не означено, самые же штемпеля приготовлены в новейшие времена;

2) 135 штемпелей, по образам которых чеканились монеты с 1701 до 1744 года, или до начала царствования Императрицы Елизаветы Петровны, хотя и с означением годов, но приготовлены тоже в новейшие времена;

3) 318 штемпелей с 1744 года до восшествия на престол почивающего в Бозе Императора Павла I-го, или до 1796 года, и временность коих весьма сомнительна. И наконец —

4) 819 штемпелей, приготовленных с 1796 года по ныне, современность которых хотя и не подвержена сомнению, но из числа их 19 от долговременного употребления могут производить только дурную монету, 33 испорчены в такой степени, что к дальнейшему употреблению вовсе не годны и 18 пробных не утвержденных.

Министр Финансов, имея в виду, что приготовление для частных нумизматических кабинетов русских монет прежних чеканов по штемпелям не оригинальным, следовательно не одновременным тиснению и выпуску в обращение монет, может ввести в последствии времени нумизматов в большое недоумение относительно действительного вида, веса и пробы древних монет и тем вместо ожидаемой пользы от пополнения нумизматических коллекций только уронит самое достоинство этих собраний, полагал бы: чеканку старинных русских монет по штемпелям, возобновленным после утраты оригинальных, впредь не допускать; самые же штемпеля, как восстановленные, так и те, которых оригинальность подвержена сомнению, равно

и не получившие Высочайшего утверждения, а также те из оригинальных штемпелей, которые пришли в негодность, всего вообще 600 штемпелей, вовсе уничтожить и впредь не возобновлять, равным образом не возобновлять и те из оригинальных отмененных уже штемпелей, кои впоследствии сделаются негодными. Требования же или просьбы частных лиц о приготовлении для них монет прежних чеканов удовлетворять в таком только случае, если просьбы сии будут относиться до монет, которых оригинальные штемпеля еще сохранились без повреждения, и с тем, чтобы подобные монеты приготовлялись тех самых проб и того веса, какие установлены были при выпуске оных в обращение»³².

Николай I наложил на докладной записке резолюцию: «Исполнить». С этого момента предложения министра финансов обрели силу монаршей воли, и потому документы, связанные с процедурой выполнения изложенных в записке мер, стали оформляться с выделенным крупными литерами грифом: «По высочайшему повелению». 14 мая 1847 г. копия утвержденной царем записки была направлена «для неперменного и точного исполнения» начальнику Монетного двора, при этом препроводительную к ней подписал сам министр финансов, а уж после него директор ДГСД³³. 18 мая 1847 г. начальник Монетного двора доложил, что «находящиеся на Монетном дворе 600 монетных штемпелей прошлого времени согласно Высочайшему повелению... уничтожены»³⁴. Судя по рапорту управляющего Медальной палатой начальнику Монетного двора от 10 июля 1847 г., уничтожению подверглись «все штемпеля монет до царствования... императора Павла Петровича, вписанные в шнуровую книгу древних монетных штемпелей под первыми 308-ю №№», а также 52 изношенных штемпеля для изготовления монет более позднего времени и 18 штемпелей пробных монет³⁵.

Надо полагать, что детальное изучение всех связанных с уничтожением штемпелей документов сможет оказать существенную помощь не только в изучении истории С.-Петербургского Монетного двора, но и при решении целого ряда других вопросов, касающихся истории русской нумизматики. Здесь нам хотелось бы лишь обозначить некоторые из них.

Свидетельство администрации Монетного двора о том, что к середине XIX в. не осталось ни одного подлинного (пусть хотя бы изношенного) монетного штемпеля ни от реформы Петра I, ни от последующих царствований, включая правление Екатерины II, производит ошеломляющее впечатление. И это впечатление не меняется от гипотетического и маловероятного допущения, что на Монетном дворе, стремясь избавиться от заказов на поделки, могли и лукавить, присоединив имевшиеся подлинные штемпели к «восстановленным» — такой обман не мог быть значительным, иначе он вылился бы в

³² РГИА. Ф. 37. Оп. 19. Д. 62. Л. 63—63об., 64—64об.

³³ Там же. Л. 65.

³⁴ Там же. Л. 71.

³⁵ Там же. Ф. 570. Оп. 13. Д. 73. Л. 2—2об.

должное преступление. Скорее всего заключение администрации Монетного двора соответствовало ее действительному представлению о состоянии штемпельного хозяйства. Правда, формулировки «штемпели сомнительные», «штемпели весьма сомнительные», «вероятно приготовлены в новейшее время» показывают, что это представление отчасти носило несколько предположительный характер. Такая неуверенность имела, конечно, свои причины: новейшие исследования специалистов показывают, что в 40-х годах XIX в. все же существовали единичные подлинные штемпели «допавловского» периода, которые использовались для чеканки новоделов. К их числу относятся, в частности, штемпели серебряных двухрублевиков 1722 и 1726 гг., имевшие довольно сложную историю, которую в XIX в. на Петербургском Монетном дворе знать не могли³⁶, и некоторые другие. Однако по сравнению с количеством «восстановленных» штемпелей их число настолько мало, что в целом заключение руководства Монетного двора следует, очевидно, признать весьма близким к истине.

По-видимому, мы не совсем ясно представляли себе масштабы эпидемического увлечения новоделами и степень влияния этого увлечения на работу Монетного двора. И. Г. Спасский прозорливо указывал, что «существует возможность определить набор новоделов, выпускавшихся в Петербурге в конце 1780 — начале 1790-х гг.», так как хранящийся в Эрмитаже «первый дошедший до нас проспект Монетного двора на изделия для коллекционеров» фактически представляет из себя рекламу чеканившихся Монетным двором новоделов, что доказывает наличие почти для каждого наименования в нем соответствующих монет в эрмитажном собрании новоделов³⁷. При этом Иван Георгиевич полагал, что «изрядная доля таившегося за блеском двора Екатерины деятельного и ни с чем не считавшегося невежества» предопределила пик производства на Монетном дворе новоделов именно в это царствование³⁸. Не имея конкретных данных, маститый ученый не мог, естественно, предполагать, что «разгул» фабрикации новоделов со все нарастающими масштабами будет продолжаться до самой середины XIX в. и приведет, с одной стороны, к почти полному уничтожению подлинных штемпелей вплоть до 1796 г., а с другой — ко все более широкой фабрикации штемпельных фальсификатов.

Гнетущее впечатление оставляют данные о наличии штемпелей для чеканки фальшивых великокняжеских русских монет XIV—XV вв. Анализируя возникновение и рост производства новоделов, И. Г. Спасский писал, что их «естественное» возникновение «представляется так: чеканка сперва старыми штемпелями, а когда они разбивались, штемпелями-копиями»³⁹. Известно, — Иван Георгиевич

³⁶ См. об этом: *Удеников В. В.* Монеты России XVIII — начала XX века. Очерки по нумизматике. Пробные монеты 1726—1727 гг. М., 1994. С. 57—58; *Лепехина Е. В.* Двухрублевик Петра Первого 1722 года из собрания Кунсткамеры // *Международный нумизматический альманах*. Вологда, 1995. С. 39—49.

³⁷ *Спасский И. Г.* Новоделы... С. 110, 112.

³⁸ Там же. С. 107, 110.

³⁹ Там же. С. 109.

Спасский об этом тоже писал, — что бывали случаи отступления от этого «естественного» пути. Так на Петербургском Монетном дворе во второй половине XVIII в. изготавливали «восстановленные» штемпели для чеканки монет XVII в. Нелегко однако поверить, что на столичном Монетном дворе отнюдь не в царствование Екатерины II, а значительно позже, уже в XIX в., могли заниматься изготовлением штемпелей для чеканки подобия монет, существовавших 300—400 лет тому назад. Но дело обстояло именно так. И использовались такие штемпели в угоду коллекционерам весьма интенсивно: в каталоге 1847 г. часть из них показана как полностью износившиеся.

По крупницам собирая сведения для выяснения фактов ограничения чеканки новоделов, Иван Георгиевич пришел к выводу, что значительное ограничение было произведено «около 1840 г.». Со ссылкой на Э. К. Гуттен-Чапского он отмечает, что «по свидетельству Я. Рейхеля, который присутствовал при уничтожении фальшивых штемпелей... эта операция производилась «по высочайшему повелению», чтобы прекратить продажу антикварами новоделов за подлинные монеты»⁴⁰. Совершенно очевидно, что речь здесь идет об уничтожении штемпелей в 1847 г., при этом, стремясь определить объем подвергшихся уничтожению штемпелей, ученый осторожно замечает, что этот объем «можно отчасти представить» по разделу о фальшивых монетах каталога Рейхеля «и по приведенному выше списку XVIII в.»⁴¹. Теперь, зная каталог 1847 г., можно констатировать, что объем уничтоженных штемпелей был значительно большим.

Документы об уничтожении монетных штемпелей в 1847 г. позволяют конкретизировать и уточнить целый ряд частных вопросов из истории русской нумизматики. Вот лишь несколько примеров.

И. Г. Спасский, отмечая отсутствие упоминаний о серебряных двухрублевиках Петра I 1722 г. и Екатерины I 1726 г. в эрмитажном каталоге конца XVIII в., допускал двойное объяснение этого: «их штемпели либо были уже разбиты, либо оставались в неизвестности»⁴². Теперь этот вопрос решается однозначно: к моменту появления эрмитажного каталога штемпели этих монет еще «оставались в неизвестности», использовать для чеканки новоделов их стали позже и использовали до 1847 г.

Выясняются также причины упомянутого И. Г. Спасским отсутствия в каталоге XVIII в. бордовых знаков 1705 и 1725 гг.: новодельных штемпелей этих знаков ко времени появления этого каталога еще не было, их создали либо в самом конце XVIII в., либо уже в XIX в.

Анализируя скудные сведения об изготовлении новоделов сестрорецких рублей, И. Г. Спасский отмечал, что «история чеканки этих рублей, производившейся полудегальным способом не ранее второй половины 1840-х гг., остается неясной и, может быть, намеренно за-

⁴⁰ *Спасский И. Г.* Новоделы... С. 119.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 112.

путанной»⁴³. Теперь кое-что начинает в этой истории проясняться. Выясняется, в частности, что чеканка поделов этих рублей производилась во второй половине 1840-х вполне легально. Выясняется также, что в конце 1845 или в начале 1846 г. вышло из строя гуртильное кольцо сестрорецкого рубля 1771 г., но тут же, в 1846 г., было изготовлено новое, с которым успели до уничтожения в 1847 г. штемпелей изготовить несколько экземпляров рубля. В связи с этим специалистам предстоит решить вопрос: не с этим ли гуртильным кольцом был изготовлен известный «эрмитажный рубль 1771 г. с особым гуртом», о котором писал И. Г. Спасский, не причисляя его к новоделам, но вместе с тем высказывая сомнения в его подлинности, то есть оставляя вопрос открытым⁴⁴.

Это лишь отдельные примеры, число которых при детальном изучении вопроса может быть многократно увеличено.

Удар, нанесенный в 1847 г. по любителям новоделов и всякого рода «комиссионерам», промышлявшим торговлей ими, был более чем внушительным. Показательна реакция С. А. Еремеева на объявленную ему царскую волю: «За уничтожением, по Высочайшему Ею Императорского Величества повелению, ...наибольшей части штемпелей для чеканки монет, в представленном при моем прошении каталоге поименованным, не желаю я получить и остальных монет царствования Императоров: Александра I и Николая I в том же каталоге упоминаемых»⁴⁵. (Из всего огромного заказа Еремееву предлагали изготовить 8 медных монет Александра I и 9 медных монет Николая I). Аналогичным образом поступил и Сабатье. В октябре 1847 г. Монетный двор послал наконец ответ на предписание ДГСД 1844 г., объяснив свое длительное молчание тем, что это предписание «оставалось не исполненным за неприведением в систематическую известность имеющихся по Медальерному отделению Медальной палаты штемпелей древних монет»⁴⁶. Одновременно представлен был список монет, которые могут быть отчеканены: из заказанных 81 золотой монеты предлагалось изготовить 6, из 222 серебряных — 25, а из 61 медной — 5⁴⁷. Когда об этом объявили Сабатье, он, сославшись на длительный срок, прошедший с момента подачи им прошения, от предложенных монет отказался⁴⁸.

Однако значение утверждения царем министерской докладной записки состояло не только и даже не столько в санкционировании уничтожения 600 штемпелей, сколько в утверждении запрета на изготовление «восстановленных» штемпелей в будущем. Именно это позволило перекрыть все легальные пути изготовления на Монетном дворе продукции, способной, говоря словами начальника Монетного

⁴³ Спасский И. Г. Новоделы... С. 117.

⁴⁴ Спасский И. Г. Сестрорецкие рубли (1770—1778 гг.) // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XII. Л., 1971. С. 167.

⁴⁵ РГИА. Ф. 37. Оп. 19. Д. 62. Л. 69.

⁴⁶ Там же. Оп. 22. Д. 58. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Л. 8—8об.

⁴⁸ Там же. Л. 11—11об.

двора А. Р. Амстронга, «в последствии времени привести нумизматиков в большое затруднение... и даже поселить в них ложные понятия». Что же касается процесса уничтожения штемпелей, то эпизод 1847 г. — это, вероятно, наиболее впечатляющая страница в нем, но сам процесс уничтожения длился в течение долгого времени, охватывая большой период как до, так частично и после 1847 г. Ведь если к 1847 г., по заключению администрации Монетного двора, не осталось ни одного подлинного штемпеля за период вплоть до начала царствования Павла I, то ясно, что подлинники по мере износа уничтожались. Об этом же говорит и тот факт, что в каталоге 1847 г. для более чем 150 наименований монет указано наличие только одного штемпеля — либо аверсного, либо реверсного (отметим в связи с этим важный момент: по пояснению администрации Монетного двора, «...где показан только один штемпель, должно разуметь, что другой штемпель для чеканки монеты идет от другого №, имеющего сходное с тем на одной стороне изображение»⁴⁹ — вот где было раздолье для фабрикации монетных «разновидностей»). В некоторых случаях, как это видно из донесения начальника Монетного двора от 31 декабря 1846 г., по указаниям сверху еще до 1846 г. уничтожались штемпели пробных монет. Продолжалось уничтожение монетных штемпелей и после выполнения предписания министерской записки — теперь уже только подлинных, так как «восстановленных» не осталось, а изготовление их было прекращено. Доложив 10 июля 1847 г. об уничтожении 600 штемпелей, управляющий Медальной палатой барон Б. И. Вите в тот же день подал начальнику Монетного двора рапорт, испрашивая разрешение на дополнительное уничтожение 32-х работоспособных подлинных штемпелей, ссылаясь на то, что парные к ним аверсы или реверсы износились и попали в число 600 уничтоженных, в связи с чем перечисленные им 32 штемпеля «как не имеющие к ним парных гербов или словесников, более для чеканки старинных монет употреблены быть не могут, а потому и не имеется надобности хранить их при Медальной палате»⁵⁰. Чрезвычайно характерна здесь логика аргументации: сами по себе монетные штемпели никакой ценности не представляют; раз ими нельзя чеканить монеты, то «и не имеется надобности хранить их». В некоторых случаях уничтожение штемпелей продолжалось большими партиями. Так 3 сентября 1851 г. управляющий Медальной палатой рапортом на имя начальника Монетного двора доложил о готовности к уничтожению 107 штемпелей, пришедших в негодность при изготовлении в 1850—51 гг. коллекции монет для университета св. Владимира, и 7 штемпелей, которые хотя и годны к употреблению, но не нужны из-за того, что испортились их аверсы или реверсы⁵¹.

Подводя итог, следует сказать, что история частичной эвакуации некоторых подразделений Монетного двора в 1917—18 гг. заслуживает, конечно, внимания и в той ее части, которая касается штемпель-

⁴⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 19. Д. 62. Л. 40об.

⁵⁰ Там же. Ф. 570. Оп. 13. Д. 73. Л. 1.

⁵¹ Там же. Л. 4—4об.

ного хозяйства. Если будет доказано, что монетные штемпели действительно вывозились (а пока что доказательств этого нет), то важно было бы выяснить, все ли они вернулись назад в Петроград. Однако не следует полагать, что в эвакуации мог погибнуть монетный штемпельный инструментарий XVIII в., ибо к моменту эвакуации от него на Монетном дворе почти ничего не осталось. В какой-то мере то же можно сказать и о значительной части штемпелей XIX в., во всяком случае — его первой половины. Причины и подробности гибели большей части монетного штемпельного хозяйства С.-Петербургского Монетного двора следует искать не вне Монетного двора, а прежде всего в его внутренней истории. И, конечно же, детальное изучение этого вопроса важно не только само по себе, оно способно вывести исследователей на решение многих других невыясненных до сих пор вопросов истории отечественной нумизматики, в том числе тех из них, которые касаются малопривлекательных, но важных для науки реалий изготовления новоделов.

**П. В. ЗУБОВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ КОЛЛЕКЦИОНЕР
И НУМИЗМАТ (1862—1921)**

Т. В. Берестецкая

Павел Васильевич Zubov, один из крупнейших коллекционеров-нумизматов России, скончался неожиданно в Москве, в своем доме на Таганке, 2 июля 1921 года. В некрологе была выражена надежда, что Москва почтит его достойной и вечной памятью. Но только через полвека на доме была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме жили и работали видные деятели русской науки и культуры Павел Васильевич и Василий Павлович Zubovy»¹.

Сохранилась автобиография П. В. Zubova², написанная им по инициативе А. В. Орешникова, выдающегося русского нумизмата, специалиста по русской и античной нумизматике, главного хранителя Исторического музея и первого заведующего Отделением монет, медалей и печатей. Орешников планировал создание Словаря, в который вошли бы биографии знаменитых нумизматов. Известно, что он благодарил А. А. Ильина, нумизмата из Эрмитажа, за присланную биографию и писал ему, что «П. В. Zubov написал о себе тетрадь в 18 страниц»³.

В качестве основных источников для написания этой статьи, являющейся по сути лишь обобщением уже опубликованных материалов о жизни и творчестве Zubova, использованы следующие материалы: некролог о Zubove, написанный П. Сухотиным⁴, статья внучки — П. Zubova⁵, рукопись из «Семейной хроники»⁶, написанная сыном П. Zubova, бережно сохранный и любезно переданный внучкой М. В. Zubовой в Отдел нумизматики (ОН), и эпистолярное наследие П. Zubova, хранящееся в ОПИ ГИМ. Именно переписка с Орешниковым представляет для нас особую ценность.

Замечательных русских нумизматов объединяла не только любовь к нумизматике, но и личная дружба, общие научные интересы, взаимопомощь в собирании монет как русских, особенно удельных, так и

¹ Zubova M. В. Материалы к биографии П. В. Zubova // Труды ГИМ. Вып. 61. М., 1966. С. 156.

² Автобиография П. В. Zubova хранится в семейном архиве.

³ ОН ГЭ (Письма А. В. Орешникова А. А. Ильину). Письмо от 5 (апреля) 23 марта 1920 г.

⁴ Сухотин П. С. Павел Васильевич Zubov // Среди коллекционеров. 1922. № 1. С. 38—39.

⁵ Zubova M. В. Материалы к биографии... С. 153—163.

⁶ Zubov В. П. Из «Семейной хроники». М., 1927—1930. Рукопись хранится в ОН с декабря 1990 г.